

Нина Елина

Проза «Пира» Данте

к вопросу о жанре и структуре

Известно, что по замыслу Данте его сочинение «Пир» должно было состоять из 14 канцон и 15 прозаических частей – трактатов. Сочинение создавалось между 1304 и 1306 гг. и осталось незаконченным: были написаны 3 канцоны (из них две во Флоренции, до того как был задуман «Пир», и одна в изгнании, специально для него предназначенная) и 4 трактата – один вводный и три относящиеся к канционам. Две канцоны, – переходные от любовной поэзии к философской, третья чисто философская или, точнее, моралистическая. Все три примыкают к другим канционам Данте, написанным в разное время. Прозаическая же часть занимает особое место в его творчестве и заслуживает специального исследования.

Содержание этой сложной прозаической части, где рассматриваются философские понятия, восходящие к разным теориям и концепциям, определило подход к ней: ее изучали только как произведение философское. После Джованни Виллани и Боккаччо, считавших ее сочинением «возвышенным и прекрасным», [1] «достойным похвалы», [2] позднейшие историки литературы, за редким исключением, отрицали ее эстетические достоинства (крупнейший ученый начала века К. Фосслер называл «Пир» «уродливым и безотрадным строением» [3]) и не создали ни одной монографии, посвященной ее поэтике. Разрабатывались лишь частные проблемы синтаксиса [4] и лексики. [5] Между тем жанровая структура «Пира» представляет значительный интерес и в историко-культурном плане, и в плане развития дантовского творчества.

Проза «Пира», указывает сам автор, – это комментарий к канционам, и поясняет, что он подчинен канционам, но без него цель – сделать мудрость доступной людям необразованным – не была бы достигнута.

Жанр комментария занимает в ученой и теологической литературе видное и почетное место. Уходя корнями в библейскую древность (уже в книге Эзры – IV в. до н. э. – говорится о толковании Закона Божьего) и греческую античность (объяснение Гомеровских поэм в III-II вв. до н. э.), толкование получило особое значение при слиянии этих культур.

Экзегетика сыграла первостепенную роль в формировании христианства, так как помогала примирить евангельское вероучение, развившееся на основе синтеза иудейского монотеизма и других ближневосточных религий с греческой философией. В дальнейшем все средневековье занималось толкованием и комментированием: толковали библейские тексты (любая проповедь – это толкование такого текста), статьи римского права, сочинения Аристотеля, произведения античных поэтов. Это был способ ассимиляции и модернизации древних культур, влиявший на сознание людей более поздней эпохи. Комментирование было настолько распространено в средние века, что обращение Данте к этой традиции не удивляет. Но, обратившись к ней, он ее нарушил.

Сам он считал, что его комментарий отличается только тем, что написан не на латинском, а на вольгаре, т. е. флорентийском наречии. На самом же деле уже его старший современник Брунетто Латини снабдил свой перевод риторики Цицерона комментарием на вольгаре, но, по-видимому, счел это естественным и никак не оговорил. Данте же,

признавая превосходство латинского языка над вольгаре, объясняет, почему он предпочел второй.

Первая причина эстетического свойства: канцоны написаны на вольгаре, и не подобает, чтобы комментарий в силу превосходства языка латинского затмил их. Из этого рассуждения вытекает, с одной стороны, что Данте ценил поэзию выше, чем ученую прозу, а с другой – что латинскую прозу, независимо от ее содержания, он рассматривал с эстетической точки зрения. Его эстетический подход, который обусловлен христианской онтологией, ищущей красоту в любом феномене, и риторическим образованием поэта, предваряет концепции Возрождения.

Вторая причина в том, что латинский комментарий был бы понятен только ученым, т. е. немногим, а Данте хочет научить «мудрости и добродетели» тысячи людей. Это своеобразное просветительство вызвано и объективными обстоятельствами и внутренним складом автора. С XII в. во всей Европе вспыхнула всеобщая страсть к учению, охватившая и итальянские города-коммуны. В начале XIII в. в Италии уже действуют три университета: в Болонье, Падуе и Неаполе. К знаниям стремятся не только те, кто там учится, но и горожане разных светских профессий, не очень сведущие в латинском языке. Для них составляются нотариальные документы на вольгаре, делаются переводы и пересказы исторических, философско-теологических сочинений, риторик, пишутся хроники, энциклопедии, письмовники. Идет общая демократизация и обмирщение культуры, Данте – сын флорентийской коммуны с ярко выраженным общинным сознанием, стал «просветителем», писавшем на вольгаре, прежде всего потому, что считал себя ответственным за других людей, их жизнь и нравы. А также потому, что вырванный из родного города, из своей корпорации, утративший, как ему казалось, уважение окружающих, он хотел, приобщая более широкий круг читателей к познанию, утвердиться, восстановить связь с миром или, по крайней мере, с людьми, жаждущими мудрости. Но отказался он от латинского языка и по другой причине – из-за любви к родной речи, любви, за которой скрывается зарождающееся чувство национального самосознания. Заметим, что одна из отличительных черт средневекового общества – космополитизм, в частности, выражался в приверженности к латыни. Обособление народностей проявлялось в развитии народных языков, которые в свою очередь помогали возникновению чувства национальной принадлежности. В Италии этот процесс шел чрезвычайно медленно, ему мешал не только космополитический институт церкви, особенно сильный в этой стране, но и муниципальный партикуляризм городов. Данте был первым человеком, в сознании которого появилось представление об общности людей, населяющих разные области Апеннинского полуострова. К этому представлению его привела любовь к родному языку, чувство, которое до него в Италии никто не выражал.

Обращение к вольгаре имело решающее значение для «Пира», оно определило стиль и наложило отпечаток на жанровую структуру. На вольгаре нельзя было писать так, как на латыни, благодаря другому языку «Пир» приобрел иной характер, нежели комментарии предшественников Данте.

Но не только язык отличает дантовский комментарий. Впервые мы встречаемся с автокомментарием. Это новый феномен, связанный с самосознанием Данте как писателя, он как бы смотрит со стороны на свое произведение. Такого рода самосознание определяется общим развитием личностного начала в конце XIII в.

И наконец, в «Пире» впервые комментируется светская лирика, написанная на вольгаре. Таким образом, ее значение резко возрастает: она наравне с Библией, философскими сочинениями и латинской поэзией становится объектом изучения. Новое отношение к

светской лирике тоже предвзвещает Возрождение, столь высоко ценившее художественное творчество.

Эти отличительные черты не исчерпывают, однако, жанровых особенностей «Пира», они проявляются и в его структуре, на которую, как замечает Мак-Леннан, повлияли комментарии предшественников.[6] Он, однако, не сопоставляет комментарий отдельных авторов, не указывает, что, сохраняя в основных чертах свою схему, комментарии на протяжении веков видоизменялись в зависимости от общего состояния культуры, от содержания текста, иногда от личности комментатора.

Структура комментария во многом сложилась в период поздней античности, когда видную роль играли школы грамматиков и риторов. Комментарий к «Энеиде» Вергилия грамматика Сервия ("Commentarii in Virgilium" – 2-я половина IV в.) и ритора Тиберия Клавдия Доната ("Interpretationes Virgillianaе" – V в.) строится по следующей схеме: пролог, краткий у Сервия, более пространственный у Доната, где указывается цель комментария, сообщаются сведения об авторе, говорится о достоинстве его произведения, общем замысле, и собственно комментарий. У Сервия он филологический, пословный, в соответствии с задачами грамматической школы; у ритора Доната – смысловая интерпретация, которая должна стать канвой для ораторских упражнений (это различие между комментаторами ощущается уже в прологе: Донат, обращаясь к сыну, говорит о необходимости защитить Вергилия). Смысловая интерпретация у более поздних христианских комментаторов привела к тому, что «Энеиду» стали рассматривать как произведение аллегорическое (см., например, комментарий Бернарда Шартрского).

Особый вид приобретает среднелатинский комментарий к библейским текстам, например толкование «Песни песней» Бернарда Клервосского (XII в.). Лирическим свадебным песням, приписываемым Соломону, он, как и другие теологи, придал аллегорический смысл (любовь Иисуса Христа и Церкви) и использовал их для проповедей, которые фактически и представляют собой комментарий к отдельным стихам. Первая проповедь заменяет пролог, в ней есть обращение к слушателям, характеристика сочинения, ее автора, раскрытие смысла сочинения, т. е. в общем, те же компоненты, что и у позднеримских комментаторов. Но существо их иное. Донат обращается к сыну, Бернард – к целой группе людей. Сервий сообщает биографические сведения о Вергилии, Бернард произносит панегирик Соломону. Сервий и Донат говорят о буквальном смысле произведения, Бернард – об аллегорическом. Эти отличия обусловлены разницей между позднеримской культурой с ее резко выраженным индивидуализмом, с ее трезвым, реалистическим восприятием мира и человеческих творений, и средневековой культурой, с ее мистичностью, спиритуализмом, с ее стремлением к соборности и символическими представлениями о действительности. В следующих проповедях (т. е. в комментарии), где один и тот же стих толкуется несколько раз в прямом и аллегорическом смысле, чтобы задержать на нем внимание слушателей и всесторонне его осветить, звучит страстная морализация, переходящая то в апологию, то в инвективы, свойственные публицистике, а возвышенный патетический стиль речи, ритмической и версифицированной, приближает этот комментарий к произведению художественной литературы, которое должно эмоционально воздействовать и на слушателей и на читателей.

Совсем другой характер носит комментарий Альберта Великого (XIII в.) к «Этике» Аристотеля (*Super ethica. Commentum et Quetiones*). Пролог очень краток, в нем определяется та материя, о которой пойдет речь в сочинении Аристотеля и соответственно в комментарии. «Опорным» элементом структуры пролога являются цитаты, от которых автор отталкивается. В самом комментарии производится подразделение абзацев «Этики», и каждое понятие логически расчленяется с помощью,

многочисленных перечислений. Цель этого схоластического комментария – научить логически мыслить.

Иную цель преследует флорентинец Брунетто Латини (вторая половина XIII в.), который комментирует собственный перевод: сочинения Цицерона "De inventione" озаглавленного в переводе – "Rettorica" В прологе Латини подчеркивает полезность риторики вообще и книги Цицерона в частности. Утилитарно-просветительский подход, характерный для деятеля города-коммуны сказывается и в комментарии, где объяснению общего смысла фраз и отдельных слов сопутствуют самые разные сведения, которые должны расширить кругозор читателей. Соответственно комментарий соприкасается с энциклопедией. Обращает на себя внимание и появление личности самого комментатора, и не только в прологе, где он говорит о том, что был изгнан из Флоренции, но и в собственно комментарии. Это указывает на отход от традиции схоластических комментариев, сознательно безличных, и на развитие индивидуализма у городской элиты.

Структура «Пира» в самом общем виде совпадает со структурой других комментариев, она тоже состоит из пролога и собственно комментариев к канцонам.

Пролог, то есть первый трактат, по объему гораздо больше, чем обычные прологи, но в основе его схемы видны те же элементы. Начинается он с косвенной цитаты из Аристотеля (как и пролог Альберта Великого) и со схоластически расчлененного рассуждения о познании и причинах ему препятствующих; далее раскрывается цель сочинения, замысел и общее содержание «Пира», говорится о его авторе. Кроме этих традиционных элементов, появляются и новые: характеристика манеры изложения (то есть стиля комментария) и апология языка, на котором он написан, к содержанию канцон они отношения не имеют, зато подготавливают трактат Данте «О народном красноречии». Меняются и традиционные элементы. Предыдущие комментаторы отделяли цель и замысел комментария от авторских и касались в прологе только содержания комментируемого произведения, Данте не отделяет комментария от канцон, они вместе составляют «пиршественную трапезу». Много места он уделяет автору – то есть самому себе – и это не биографическая справка, как у Сервия, не панегирик, как у Бернарда, и не отдельный эпизод, объясняющий, почему возникла книга, как у Латини. Это длинное рассуждение этического свойства о том, насколько позволительно говорить о себе, перерастающее в горестное лирическое отступление, где речь идет об изгнании из Флоренции и скитаниях по чужой земле, и упоминаются созданные произведения и те, которые только замыслены.

«О если бы по соизволению устроителя Вселенной извиняющая меня причина никогда и не возникла! В таком случае и никто другой против меня не согрешил бы, и я сам не претерпел бы незаслуженной кары, кары, говорю, и изгнания и нужды. После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, где я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего жизненного пути и в котором я от всего сердца мечтаю, по-хорошему с ней примирившись, успокоить усталый дух и завершить дарованный мне срок, – я, как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь, показывая против воли рану, нанесенную мне судьбой и столь часто несправедливо вменяемую самому раненому. Поистине я был ладьей без руля и без ветрил; сухой ветер, вздымаемый горькой нуждой, заносил ее в разные гавани, устья и прибрежные края; и я представал пред взорами многих людей, которые, прислушавшись, быть может, к той или иной обо мне молве, воображали меня в ином обличий. В глазах их не только унизилась моя личность, но и обесценивалось каждое мое творение, как уже созданное, так и будущее» (I, III, 3-6).

Подобного рода переходы не случайны, они свойственны авторской манере Данте. Логические рассуждения на моральную тему перемежаются лингвистическими наблюдениями и публицистическими инвективами против тех, кто не умеет пользоваться родным языком или хулит его. Таким образом, в прологе, то есть первом трактате «Пира», по существу переплетаются разные жанры, хотя не вполне определенные и развитые: моралистический трактат, построенный по правилам аристотелевской логики, автобиография, где речь идет не столько о фактах, сколько о чувствах и творчестве, апология и инвектива. Почти все эти элементы – каждый в отдельности – были у предшественников, но в «Пире» они соединились, переплелись и получили дальнейшее развитие, создав органичную мозаику.

Собственно комментарий, т. е. II, III и IV трактаты, тоже имеет определенную структуру: кроме обычных для схоластических трактатов и комментариев подразделений – *divisiones*, в ней есть еще два элемента – *gazos*, которые восходят к провансальской художественной литературе (они объясняют, по какому поводу написана канцона), и отступления, крайне редкие у предшественников. Эта структура, в общем, повторяет схему прозаического повествования «Новой жизни»,^[7] с тем отличием, что основное место здесь занимают не *gazos*, а подразделения, и отступлений значительно больше. Такая структурная близость говорит о том, что для Данте, как и для других средневековых авторов, нет строгой границы между художественным и философским произведением, он старается их слить.

Краткие *gazos* развивают автобиографический аспект «Пира». В частности, вводятся два эпизода из биографии: полувывымышленной, романизированной в «Новой жизни», и реальной. Первый эпизод (II, II-III, I) напоминает о коллизии, происходящей в повести: после смерти Беатриче Данте влюбился в сострадательную даму, но в повести он эту любовь преодолел, а в «Пире» он намекает на победу нового чувства. Второй эпизод из реальной биографии (II, XIII) объясняет фактически первый: Данте рассказывает о своем увлечении философией, о чтении философских книг, о посещении монастырских школ и философских диспутов. Это увлечение привело к тому, что он, по его словам, стал воспевать философию под видом сострадательной дамы. Такого рода аллегория помогает ему сочетать художественный аспект «Пира» с философским, вернее научно-популярным, а все сочинения связать с «Новой жизнью».

Система подразделений, т. е. ядро комментария, сама по себе предполагала просветительский характер сочинения и поощряла развитие логического мышления. Данте делит канцоны на части, разъясняет их смысл, значение отдельных стихов и слов. Это приводит к своеобразному энциклопедизму, о котором уже упоминалось. Заметим, что жанр энциклопедий в XIII в. был «модным», он отвечал стремлению все познать и выражал тенденцию к универсализму (теологические своды, сочинения юристов и так далее). Энциклопедизм, присущий мышлению, проникает в искусство (готические храмы), в поэзию и становится чертой поэтики («Роман о Розе»). В «Пире» он является структурным принципом, разрешающим сочетать различные элементы содержания (от эстетики до теории государства). Естественно возникает некоторая фрагментарность изложения, которую Данте стремится преодолеть: между отдельными элементами заметны формальные связи по типу «говорил о... а теперь буду говорить о...», ассоциативные: «... женщина их увидела» (и дальше дается объяснение процесса зрения) – и содержательные (переход от астрономии к физике и математике, от рассуждения о разуме к теории познания). В 4-м трактате структурный принцип меняется, происходит переход к последовательному развитию одной темы: обусловлено это тем, что третья канцона была написана специально для «Пира» и ее легче было комментировать в одном определенном аспекте. Энциклопедический комментарий превращается в настоящий

трактат, ставящий проблему сущности благородства, которое Данте считал качеством личным, а не унаследованным.

Содержание подразделений, в отличие от комментариев других авторов, развито неравномерно: шире освещены те теории, которые лично интересовали Данте. В 4-м трактате он вообще выходит за рамки собственно комментария. Личное отношение Данте к науке и философии – важнейшая отличительная черта «Пира». Особенно она заметна в отступлениях.

Отступления продиктованы общим моралистическим характером «Пира», многие из них в резкой форме выражают суждения автора. Отметим, что моралистические сочинения в XII-XIII вв. часто граничат с публицистикой и соответственно в них используются публицистические приемы инвективы и апологии. Большинство отступлений в «Пире» по своему содержанию и являются апологией или чаще инвективой, гневной и страстной. Так, возражая воображаемому противнику, защищающему ходячее мнение о благородстве, Данте восклицает, что на подобную «гнусность» надо ответить не словами, а «ударом кинжала». Резко порицает он современных правителей, противопоставляя им идеальных правителей прошлого. Публицистические отступления в научном трактате вызваны тем, что абстрактные рассуждения приобретают для флорентийского гражданина Данте Алигьери конкретность и актуальность, они связаны для него с реальной действительностью.

В заключение хочу подчеркнуть, что три аспекта «Пира» – автобиографический, т. е. художественный, публицистический и научно-популярный, воплощенные в трех компонентах – газос, отступлениях и подразделениях, неразрывно связаны. Органично сочетаются в «Пире» и элементы разных жанров: автобиографии, памфлета, апологии, моралистического трактата, энциклопедии, обрамленных особым жанром – собственно комментарием.

Впоследствии в «Комедии» соединятся те же аспекты, сплавятся самые различные жанры и будет достигнут синтез, к которому на протяжении веков стремилась средневековая мысль. Так жанровая структура «Пира» не только связана со структурой «Новой жизни», но и предваряет структуру главной Книги Данте. Из «ученого» жанра комментария неожиданно вырастает большая повествовательная поэма – великий памятник художественной литературы.

Примечания

[1] Villani G. Nuova cronica// Croniche storiche di Giovanni Matteo e Filippo Villani. Milanj, 1848. Vol. 11. P. 235.

[2] Boccaccio C Vita di Dante// Il commento alla Divina Commedia e gli altriscritti intorno a Dante/A cura di G. Guerri. Bari, 1918. Vol. 1. P. 55/

[3] Vossler K. Die gottliche Romodie. Heidelberg. 1907. Bd. 2? t/ 1. S/ 235-235

[4] Lisio G. L'arte del periodo nelle opera volgari di Dante Alighieri e del secolo XIII. Bologna, 1902; Schiaffini A Tradizione e poesia nella prosa d'arte italiana dalla latinita medievale a G. Boccaccio. Roma, 1943; Vallone A. La prosa del "Convivio". Firenze, 1967.

[5] Terracini B. Il lessico del “Convivio” // Pagine e appunti di linguistica storica. Firenze, 1957

[6] Mac-Lennan L. Jenaro Autocomentario y comentarismj latino // Vox romanica. 1960. Juni. P. 87, 92, 122.

[7] Mac-Lennan L. Jenaro Op. Cit.; Елина Н. Г. Проза «Новой жизни» // Дантовские чтения. М., 1973. С. 146-150.

Источник: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/italy/elina-proza-pira-dante.htm>